

15 мая 1939 был произведен обыск на московской квартире писателя и одновременно на его даче в Переделкино под Москвой, где он в это время находился. При обыске были изъяты 24 папки с рукописями, которые впоследствии не были обнаружены в архивах ФСБ. После серии непрерывных допросов 29–30 июня Б. был вынужден дать показания, от которых впоследствии в ряде заявлений, в т. ч. и во время судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР 26 янв. 1940, отказывался. В заявлении на суде Б. просил дать ему возможность «завершить <...> последние литературные произведения». Был приговорен к расстрелу и казнен 27 янв. 1940. В тот же день его тело было предано огню в крематории Донского монастыря. В 1954 Б. был полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

Споры вокруг творчества и судьбы Б. возобновились после его реабилитации и продолжают до наших дней.

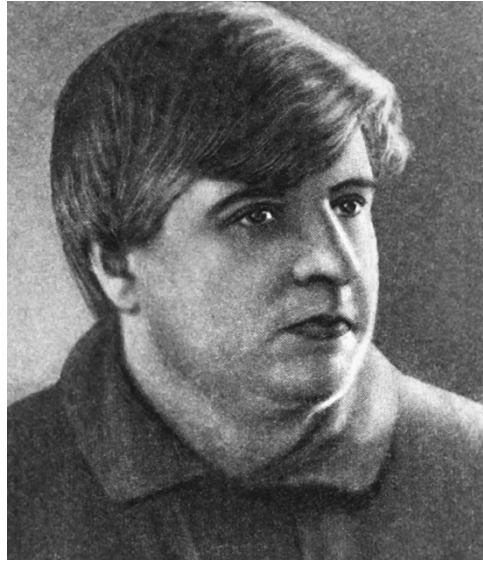
Соч.: Соч.: в 2 т. / сост. и подгот. текста А. Н. Пирожкова; вступ. статья Г. Белый; комм. С. Поварцова. М., 1991; Соч.: в 2 т. М., 2002; Избранное. М., 1957; Избранное / сост., предисл., комм. Е. Шкловского; Справочно-методические материалы Л. Страховой. М., 2002; Дневник. 1920. М., 2000; Проза. Драматургия / вступ. статья Б. Сарнова. М., 2000; Одесские рассказы. М., 2001. (Имена. Классика).

Лит.: Левин Ф. И. Бабель: Очерк творчества. М., 1972; Жолковский А. К., Ямпольский М. Б. Бабель // Babel. М.: Carte blanche, 1994; Поварцов С. Н. Причина смерти расстрел; Хроника последних дней И. Бабеля. М.: Терра, 1996; Воспоминания о Бабеле / сост. А. Н. Пирожкова, Н. Н. Юргенева; послесл. С. Поварова. М., 1989.

В. М. Акимов

БАГРИЦКИЙ Эдуард Георгиевич (настоящее имя Эдуард Годелевич Дзюбин) [22.10 (3.11).1895, Одесса — 16.2.1934, Москва] — поэт.

Принадлежит к одесской лит. школе. Первые поэтические опыты Б. относятся ко времени учебы в реальном училище Жуковского (1910–12), печататься стал в 1915 в одесских газ. и ж., поэтических альм. молодых писателей «Серебряные трубы», «Седьмое покрывало», «Авто в облаках», «Чудо в пустыне» и др. Страстно увлекался поэзией Серебряного века, подражая и одновременно пародируя многих своих учителей: Н. Гумилева, В. Иванова, М. Кузмина, А. Блока и др. Позже пришло увлечение футуристами и В. Маяковским. Под псевдонимом Нина Воскресенская Б. публикует в альм. «Авто в облаках»

Э. Г. Багрицкий

урбанистические стих. «Дерибасовская ночь» и «Порт», в чем-то напоминающие «Адище города» Маяковского, но пародийно-игровые, а не трагические. В «Гимне Маяковскому» противопоставляются два типа поэтов: «один — живет Современностью городов», «бешено лающих на солнце», другой — эстет, «изнеженный на пуховиках столетий», «ненавидящий Современность, ищущий забвения в математике и истории». Несмотря на нарочито торжественную «гимновую» (как у Маяковского) интонацию и иронию в изображении двух поэтов-антагонистов, Б. почтительно уступает дорогу Маяковскому, «вселенскому спортсмену в оранжевом костюме». Молодой Б. утверждает уход от современности как свое поэтическое кредо. Но традиционного для романтиков конфликта с действительностью пока нет. Он скрыт, подразумевается в преувеличенной красочности и пышности описаний, в подчеркнутой книжности тем, образов, сюжетов и жанров («Креолка», «Рудокоп», газелла «В твоём алькове спят цветы» и др.), в столкновении и совмещении разных стилистических систем. Некоторым исследователям творчества Б. казалось, что его дореволюционная поэзия была чисто подражательной. «Он пел с чужого голоса», — считал И. Беспалов (Статьи о лит.-ре. М., 1959. С. 161). Это не совсем так, ибо Б. постоянно искал свою интонацию, темы, образы.

Революцию Б. принял романтически, как мощную стихийную силу, которая преобра-

зит и обновит мир; политические взгляды его были наивными. В автобиографической заметке поэт скажет, что «мечтать на берегу продолжал до 1917 года». Осенью 1917 Б. ушел добровольцем на персидский фронт в экспедицию генерала Баратова, в 1918 вернулся в Одессу и вновь с головой окунулся в лит. жизнь: читал лекции о поэзии, вел кружки, сотрудничал в газ. «Стихи я писал сугубо сюжетные — события мало волновали меня. Я старался пройти мимо них» (Советские писатели: Автобиографии. М., 1966. Т. 3. С. 34–35). Он писал о тиграх, Летучем Голландце, совсем не отражая явлений действительности. Даже в Красной Армии (1919), сочиняя стихи к плакатам, Б. только «служил времени», «еще не понимал прелести использования собственной биографии». Ему казалось, что русская поэзия должна вернуться к «Слову о полку Игореве», к народному эпосу, к языку В. Даля. Работая в ЮГРОСТе (1920), поэт понемногу «научился понимать стихи», писать проще и доходчивее. «Я был культурником, лектором, газетчиком — всем, чем угодно, лишь бы услышать голос времени и по мере сил вогнать его в свои стихи» (Там же). «Служебные» агитационные стихи, как правило, посвящались календарным датам и юбилеям и строились по принципу противопоставления «вчера» и «сегодня». Следуя в решении современной темы за пролеткультовцами и Маяковским, Б. все же пытался найти свою образность, романтическую интонацию в стих. на историческую тему: «**Знаки**», «**Чертовы куклы**» и др. Он широко использовал традиции русского и украинского эпоса в создании образа России. В стихах о гражданской войне поэт опирался на собственный опыт, но выступал от имени массы («**Фронт**»), предельно укрупняя каждую деталь, превращал ее в эмблему революции, в поэтический плакат («**Матрос огромный в огне и грохоте стоит**»). Готовя к печати свой первый сб., Б. не включил в него ни одного агитационного стих.

Б. предельно эмоционально передает свое восприятие мира, в котором, как в эпоху Возрождения, царят гармония и красота. В стих. и поэтические циклах 1918–25 появляются ключевые образы романтического мира Б.: образ мира-птицы и мира-трактира, с ними связан один из любимых героев поэта — Тиль Уленшпигель и постоянный лейтмотив: «Я Тилья Уленшпигеля пою!» Открывает этот ряд стих. «**Птицелов**» (в сб. «Юго-Запад» датировано 1918): «И пред ним, зеленый снизу, / Голубой и синий сверху, / Мир встает огромной птицей, / Свищет, щелкает,

звенит» (Стихотворения и поэмы. С. 49). «Дело» птицелова Диделя — «песни петь и птиц ловить», но не на продажу, а для ощущения всей полноты бытия и счастья. Песня птиц сопровождает все творчество Б. Критики 1920–30-х видели в образе птицелова «яркий пример отставания художественной идеологии от политической» (Горелов А. Бесстрашие художника. Л., 1938. С. 65–66). В цикле об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке (1918–28) Б. подчеркивает в герое прежде всего черты певца, поэта, а не воина, в дружбе его с Ламме — раблезианскую полноту жизни, содружество духа и плоти. В красочных натюрмортах южного базара воспеваются мир еды, дары моря и земли как неотъемлемая часть природы. В кризисный период творчества Б. в конце 1920-х еда будет восприниматься как принадлежность старого мира, враждебного и агрессивного, поэтому антиэстетического. «Меня еда арканом окружила, / Она встает эпической угрозой, / И круг ее неразрушим и страшен, / Испарина подернула ее». К фламандскому циклу о Тиле Уленшпигеле близки поэмы «**Трактир**» и «**Харчевня**». Последняя потеряна еще в рукописи в 1922, от нее остались названия двух отрывков — «**Ода бифштексу**» и «**Труба победы**» — да несколько песен «английских моряков». Б. утверждал, что первым его произведением о современности была поэма «Трактир» (1919–21). В ней прозаической повседневности, бытовой тине, домашнему сытому уюту противопоставляется жажда свободы и поэтической независимости. Сюжет поэмы театрализован и условно романтичен: голодный поэт просит Бога дать ему сытую, спокойную жизнь как награду за талант и муки, и Бог-Трактирщик приглашает певца на небо — «в Заезжий двор — Спокойствие сердец». В трех ред. «Трактира» в зависимости от времени меняются интонация, краски — от спокойно-созерцательных до устрашающе гиперболизированных в изображении Трактира и судьбы певца. В первых двух ред. певец смиряется и принимает «награду» в виде сытой жизни, отказывается от своего таланта. В ред. 1933–34 финал поэмы уже иной: поэт просит, требует у Трактирщика-Бога отпустить его на землю.

Почти 5 лет проработал Б. в одесской газ. «Моряк», в ней публиковались многие агитационные стихи, песни, традиционные для фольклора моряков. Б. был уверен, что его герои — моряки, скитальцы, рыбаки, контрабандисты, таинственные капитаны, бродяги — близки новому читателю, нужны ему. Романтическое «**Сказание о море, матросах**

и **Летучем Голландце**» (1922) утверждало силу творческого воображения, родственную стихии моря. В 1924–25 в «морских стихах» Б. появляется образ лирического героя, наделенного автобиографическими чертами («**Осень**», «**Возвращение**», «**Арбуз**», позже «**Контрабандисты**»). Поэт показывает природную сущность поэзии: «Свежий ветер закипает брагой, / Сердце ударяет о ребро... / Обернется парусом бумага, / Укрепится мачтою перо». Лирический герой баллады «Арбуз» (1925) ощущает себя частицей морской бури и воспринимает гибель как награду за «веселую жизнь»: «Сквозь волны — навывлет! / Сквозь дождь — наугад / В свистящем гонимые мыле, / Мы рыщем на ощупь... Навзрыд и не в лад / Храпят полотняные крылья» (Стихотворения и поэмы. С. 65). Еще более страстно утверждает идеал буйной и бездомной свободы в стих. «Контрабандисты» (1927): «Так бей же по жилам, / Кидайся в края, / Бездомная молодость, / Ярость моя! / Чтоб звездами сыпалась / Кровь человечья, / Чтоб выстрелом рваться / Вселенной навстречу!» (Стихотворения и поэмы. С. 68). Поэт не выбирает, что лучше — быть пограничником или контрабандистом: просто в романтическом пространстве бурного моря сталкиваются два типа отношения к жизни — безграничная свобода, даже своеволия, и долг, служба.

Одесский период творчества Б. завершился «стихами о поэте и романтике», построенными как диспут, спор, разговор с современниками. Лирический герой защищает права романтики, призвав на помощь «июльские ночи» и «войска соловьев». В «**Стихах о соловье и поэте**» (1925; в ред. сб. «Юго-Запад» 1928) романтический конфликт приобретает трагические черты: на базаре за 10 рублей поэт покупает соловья, песня которого взвешена и расценена в рублях. Сам романтик, гонимый миром базара, чувствует себя «товаром» в мире купли-продажи.

Осенью 1925 Б. окончательно переехал в Москву. Он вступил в «Перевал», затем в Лит. центр конструктивистов (ЛЦК), наконец, в начале 1930 вместе с В. Маяковским был принят в РАПП, не являясь правоверным сторонником и защитником взглядов ни одной из этих групп. Б. по-прежнему был безбытен и бездомен, жил с женой и сыном Всеволодом в подмосковном местечке Кунцево, где снимал комнаты, затем получил квартиру в Москве и обставил ее не мебелью, он наполнил свой дом птицами и рыбами, всякой живностью. Его охотно печатают мн. ж.: «Красная новь», «Новый мир», «Молодая

гвардия», газ. «Комсомольская правда», «Пионерская правда» и др. Вокруг поэта много молодежи, он ведет кружки, создает свой «поэтический факультет» на дому, по праву становится общепризнанным мэтром поэзии.

В 1928 вышел первый сб. Б. — «**Юго-Запад**», в который вошли тщательно отобранные 18 стих. Начинаясь сб. «Юго-Запад» с книжных романтических стихов о Диделептицелове, Тиле Уленшпигеле, с вольных интерпретаций баллад и песен Т. Гуда, В. Скотта, Р. Бернса, прославлявших свободную стихию, затем Б. обращается к «московскому материалу», к суровой действительности, которая требует от романтика отказа от своеволия и стихийности, решительной переделки «попутчика». В кризисный момент жизни — на пороге сна и яви, на грани между жизнью и болезнью, даже смертью, ночью — все кажется враждебным, несущим гибель: «И я пробегая сквозь строй без конца / В поляны, в леса, в бездорожье... / И каждая палка хочет мяса, / И каждая палка пляшет по коже... / И ночь за окном, как шпицрутенов свист» (Стихотворения и поэмы. С. 105). Переломным, кульминационным произведением сб. «Юго-Запад» стала поэма «**Дума про Опанаса**» (1926), о которой Б. говорил: «В ней я описал то, что видел на Украине во время Гражданской войны... Мне хотелось написать ее стилем украинских народных песен, как писал Тарас Шевченко. Для этого я использовал ритм его „Гайдамаков“. Мне хотелось показать в ней историю крестьянина, оторвавшегося от своего класса и попавшего к махновцам. Рассказать о нем и о его гибели» (Стихотворения и поэмы. С. 519). С официальной точки зрения, герой Б. Опанас — предатель, он убийца комиссара Когана. Поэт делает его трагическим героем песенно-былинной думы. Он задумывается над трагедией человека земли, который не хотел «махать винтовкой», мечтал о доме, работе, не хотел убивать, но вынужден был стать убийцей. Главное в герое — его выбор, единборство с трагической долей, диктатом Истории. Утверждается в поэме новое правило жизни: «Погибнуть, как надо!», как погиб комиссар Коган. В стихах, заключающих сб., начинает звучать тема вины романтика перед эпохой и тема болезни, «бледной немочи», которая мешает ему встать рядом с «работниками страны». «Мы ржавые листья / На ржавых дубах... Чуть ветер, / Чуть север — И мы облетаем. / Чей путь мы собою теперь устилаем? / Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?» (Стихотворения и поэмы. С. 93).

Выход из кризиса поэт пытался найти в общении к «молодым трубачам» эпохи и в безоговорочном принятии требований времени.

В каждом стих. второго сб. Б. **«Победители»** (1932) утверждается трудная, но достойная победа человека над собственным мешанским происхождением (**«Происхождение»**), над угрожающим миром базара и царством еды (**«Встреча»**), над стихийными законами природы (**«Романс карпу»**, **«Ода»**, **«Стансы»** и др.), над скоростью (**«Можайское шоссе (Автобус)»**), над своей книжной романтикой, внутренними сомнениями и «болезнью» (**«Вмешательство поэта»**, **«ТБЦ»** и др.). Но победа над собой достигается трудно, с кровью и муками, «лняет» поэт-романтик, «как петух здоровый»: «Приходит время зрелости суровой. / Я пух теряю, как петух здоровый. / Разносит время пестрые клочки. / Неумолимо, с болью напряженья, / Вылазят кровавистые стручки, / Колючие ошметки и крючки — / Начало будущего оперенья». (Стихотворения и поэмы. С. 124). В трагическом стих. **«ТБЦ»** победить болезнь, неуверенность в себе помогает Дзержинский, являющийся, как в балладе, в большом видении героя-романтика. Он призывает, приказывает смирить себя, безоговорочно подчиниться требованиям «века-часового»: «Но если он скажет: „Солги“, — солги, / Но если он скажет: „Убей“, — убей... / О мать революция! Не легка / Трехгранная откровенность штыка» (Стихотворения и поэмы. С. 126–127). Как в финале **«Думы про Опанаса»**, звучит в словах «железного Феликса» суровый постулат эпохи, отлитый в четкую формулу: «Умри, побеждая, как умер я». (Стихотворения и поэмы. С. 127). Завершается сб. **«Победители»** поэмой **«Веселые нищие»** (на основе перевода поэмы Р. Бернса), в которой вновь утверждается идеал бродяги-певца, который, «как дрозд», веселится, поет, «зубами блестит»: «Королевским законам / Нам голов не свернуть!» (Стихотворения и поэмы. С. 133).

Третий прижизненный сб. Б. **«Последняя ночь»** вышел тоже в 1932, в него вошли три лирические поэмы социально-философского плана. Смысловой и образный лейтмотив сб. связан с песней птиц и темой «последней ночи». Б. изображает последнюю романтическую ночь старого мира. Обреченная на гибель, «последняя ночь» мира уводит за собой беззаботное счастье поколения «печальных детей», брошенных историей в войну. Предельно лаконично изображена в нескольких строчках апокалипсическая картина гибели

мира: «Деревни скончались. / Потоптан хлеб. / И вечером — прямо в пыль / Планеты стекают в крови густой / Да смутно трубит горнист» (Стихотворения и поэмы. С. 142–143). Мотив вселенской гибели сменяется суровым утверждением жизни, новое поколение, как кажется лирическому герою, сделало правильный выбор: «Мы навыв воинов приобрели. / Терпенье и меткость глаз. / Уменье хитрить, уменье молчать, / Уменье смотреть в глаза» (Стихотворения и поэмы. С. 143). И хотя трагедия преодолена и поэт ощущает себя прочно стоящим на земле, завершается поэма темой смерти. Гибель «последней ночи» всегда связана в поэмах Б. с гибелью человека. Так, во второй поэме **«Человек предместья»** хозяин добротного дома обречен временем на гибель. Страшна его последняя ночь, т. к. против него ополчается не только время, врывающееся непогодой в его дом, но и собственная дочь, «стриженная, в угластом / Пионерском галстук».

В **«Смерти пионерки»**, третьей поэме сб., Б. написал о конкретной судьбе пионерки Вали Дыко, дочери «человека предместья», который сдавал поэту и его семье комнаты в Кунцево.

Героической романтикой овевана последняя ночь умирающей девочки, которая перед смертью отказалась от протянутого матерью «крестильного крестика», от мира своего родного дома ради верности новому времени, в котором нет места ни Богу, ни родителям, ни личному. Поэт видит в смерти пионерки поступок, равный героическим подвигам бойцов. Пионерка Валя умерла, «как надо», «побеждая» и через свою смерть утверждая новые идеалы: «Чтоб земля суровая / Кровью истекла, / Чтобы юность новая / Из костей взошла...» (Стихотворения и поэмы. С. 153). В поэме «Смерть пионерки» много риторики, характерной для поэзии 1930-х. Оправдание «крови горячечной», пропитавшей землю, Б. искал в счастье молодого поколения: сына, его товарищей, молодых поэтов и др. (**«Разговор с сыном»**, **«Всеволоду»**, **«Соболиный след»** и др.). В незаконченной поэме **«Февраль»** поэт вновь обращается к памяти, к теме своей юности и любви.

Б. умер от астматического воспаления легких, не дожив до сорока лет. За его гробом следовал эскадрон кавалеристов.

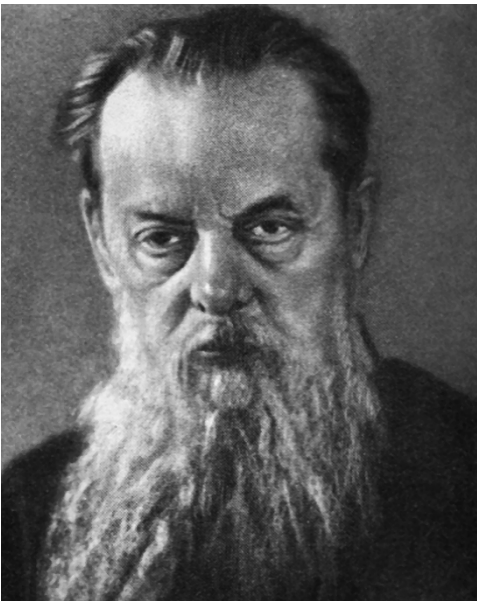
Соч.: СС: в 2 т. М., 1938. Т. 1; Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1964. (Б-ка поэта. Б. серия); Сов. писатели: Автобиографии. М., 1966. Т. 3.

Лит.: Альманах. Эдуард Багрицкий. М., 1936; Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. М., 1973; Гринберг И. Эдуард Багрицкий: Творческий портрет. Л., 1940; Любарева Е. Эдуард Багрицкий: Жизнь и творчество. М., 1964; Рождественская И. Поэзия Эдуарда Багрицкого. Л., 1967.

Н. Н. Кякшто

БАЖОВ Павел Петрович (псевдонимы: Колдунков — свою настоящую фамилию вел от «бажить», диалектное — колдовать; Хмелинин, Осинцев, Старозаводский, Чипонев, т. е. «читатель поневоле») [15(27).1.1879, рабочий поселок Сысертского завода близ Екатеринбурга — 3.12.1950, Москва; похоронен в Екатеринбурге] — прозаик, сказочник.

Родился в семье горнозаводского мастера, потомственного уральского рабочего. Окончил Екатеринбургское духовное училище (1893), затем Пермскую духовную семинарию (1899), учительствовал (д. Шайдуриха Пермской губ., Екатеринбург, Камышлов, в 1917 в сибирском с. Бергуль). С юных лет записывал уральский фольклор: «был собирателем жемчужин родного языка, первооткрывателем драгоценных пластов рабочего фольклора — не хрестоматийно-приглаженного, а творимого жизнью» (Татьяничева Л. Слово о мастере // Правда. 1979. 1 февр.). Принимал активное участие в революции и Гражданской войне. В юности — участник

П. П. Бажов

мотовилихинских закамских маевок и организатор подпольной библиотеки, в 1917 — член Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в 1918 — секретарь партийной ячейки штаба 29-й Уральской дивизии. Б. не только участвовал в боевых операциях, но и вел активную журналистскую работу (редактор дивизионной газ. «Окопная правда» и т. д.). Во время боев за Пермь попадает в плен и бежит из тюрьмы в тайгу. Под именем страхового агента принимает активное участие в подпольной революционной работе. После окончания Гражданской войны Б. активно сотрудничает в уральских газ. «Советская власть», «Крестьянская газета», ж. «Рост», «Штурм» и др.

Писательский путь Б. начался сравнительно поздно. В 1924 он публикует книгу очерков **«Уральские были»**, а затем еще 5 документальных книг, в основном по истории революции и Гражданской войны (**«Бойцы первого призыва»**, **«К расчету»**, **«Формирование на ходу»**, **«Пять ступеней коллективизации»**, документальная повесть **«За Советскую правду»**). Перу Б. принадлежат также неоконченная повесть **«Через межу»**, автобиографическая повесть **«Зеленая кобылка»** (1939), книга мемуаров **«Дальнее — близкое»** (1949), ряд статей о лит-ре (**«Д. Н. Мамин-Сибиряк как писатель для детей»**, **«Мутная вода и подлинные герои»** и др.), малоизученные сатирические памфлеты (**«Радиорай»** и др.). Мн. годы он был душой писательского коллектива на Урале (Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Златоуст, Нижний Тагил и др.), постоянно работал с лит. молодежью.

Главная книга Б., принесшая ему всемирную известность — сб. сказов **«Малахитовая шкатулка»** (1939) — вышла, когда писателю уже исполнилось 60 лет. В дальнейшем Б. дополнял книгу новыми сказами, особенно активно в годы Великой Отечественной войны: **«Ключ-камень»** (1942); **«Живинка в деле»** (1943); **«Сказы о немцах»** (1943; 2-е изд. — 1944) и др. С жизнью и трудом советских людей в послевоенные годы связаны сказы **«Аметистовое дело»**, **«Не та цапля»**, **«Живой огонек»**.

«Малахитовая шкатулка» сразу вызвала шквал восторженных откликов. Критика почти единодушно отмечала, что еще никогда, ни в стихах, ни в прозе не доводилось так воспеть труд горнорабочего, камнереза, литейщика, так глубоко раскрыть творческую сущность профессионального мастера. Особенно подчеркивалась органичность со-